

Бахтиёр Алимджанов

Доцент кафедры “История” Ташкентского
международного университета Кимё,
кандидат исторических наук,
E-mail: balimdjanov@gmail.com
<https://doi.org/10.5281/zenodo.14281399>

МЕЖДУ ИГНОРИРОВАНИЕМ И КОНТРОЛЕМ ИСЛАМА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. П. НАЛИВКИНА В КАЧЕСТВЕ 3-ГО ИНСПЕКТОРА НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ТУРКЕСТАНА (1889–1896 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются деятельность и взгляды В.П. Наливкина в качестве инспектора народных училищ Туркестанского генерал-губернаторства. Основное внимание уделяется проблемам «модерности» и «темпоральности» в амбивалентной имперской ситуации в Туркестане. Автор считает, что В. Наливкин имел своё видение и понимание «игнорирования» ислама, имперскости, мусульманской темпоральности и модерности.

Ключевые слова: игнорирование, модерность, темпоральность, Туркестан, имперскость.

В ходе завоевания Центральной Азии Российской империей военные власти решили не трогать местные институты ислама, которые временно регулировались политикой «игнорирования», провозглашённой К.П. Кауфманом [Зияева, 2010, с.10–14]. Вскоре после его смерти в 1881 г. и последовавшим за ней принятием Положения 1886 г. об управлении Туркестанским генерал-

губернаторством ситуация начала меняться и «игнорирование» ислама стала обузой для местной администрации, так как по ее мнению культурное игнорирование мешала модернизации края. Власти решили взять под контроль мусульманские институты, в первую очередь *мадраса* и его экономическую базу – *вакфы* [Мухамедов, 2015, с.266–298]. «Эксперты» решили упорядочить в юридическом плане имущество *мадраса*, тем самым делая упор на попытки более активного регулирования ислама в Туркестане¹. Местные власти решили урегулировать не только хозяйство *мадраса*, но и попытались вмешаться во внутреннюю жизнь *мадраса*, нарушая принцип игнорирования ислама в Туркестане. Администрация края начала использовать знатоков местных обычаев и религии, привлекая их к бюрократической деятельности. Одним из первых попыток вмешательства в культурную жизнь, которое обеспечило бы имперской власти «колониальное» доминирование над местным населением, было создание в 1884 г. по инициативе Туркестанского генерал-губернатора барона Розенбаха системы русско-туземных школ для оседлого населения. Одним из первых преподавателей в этой школе был В.П. Наливкин (1884-1889 гг.).

Коротко о биографии В.П. Наливкина к 1889 г. [Абашин, 2005, с.43–97; Лукашова, 1999]: Владимир Петрович Наливкин родился в 1852 г. в г. Калуге в дворянской семье². По словам самого Наливкина, он вырос «в военно-помещичьей среде», поэтому военная карьера молодого человека была предопределена. Закончив Первую Петербургскую военную гимназию, Наливкин поступает в престижное Павловское военное училище, где является

¹ Из поступивших за время 1887–1892 гг. 260 вакуфных документов оказались рассмотренными 52; из них только 4 (четыре) *вакуфа* были утверждены. Кроме того, 80 документов остались вовсе не обследованными и не рассмотренными, 86 документов признаны подлежащими обследованию, но не обследованы и 42 были обследованы, но областным Правлением не рассмотрены. Записка Наливкина, 1900 г. См.: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1396. Оп. 1. Д. 244 (Материалы по ревизии вакуфного землевладения в Туркестанском крае: протоколы комиссии сенатора К.А. Несторовского; донесения уездных начальников и др. 1904–1909 гг.). Л. 30.

² По другим источникам, в Казани.

одним из наиболее способных учеников в своем классе. В октябре 1872 г. Наливкин прибывает в Туркестан, где в это время идут активные военные действия. 21-летним юношей участвует в военном походе в Хиву в 1873 г. в чине хорунжего конно-артиллерийской бригады Оренбургского казачьего войска, в 1874 г. производится в чин сотника, участвует в туркменской экспедиции, на рубеже 1875–1876 гг. – под началом М.Д. Скобелева – в Кокандском походе.

После женитьбы и завершения Кокандского похода в судьбе Наливкина происходят изменения. В 1876 г. он переводится из действующих войск на службу в военно-народном управлении Туркестана [Абашин, 2001], становится помощником (т. е. заместителем) начальника Наманганского уезда, короткое время служит членом Организационной (поземельно-податной) комиссии. При военном губернаторе А.К. Абрамове приказом от 29 мая 1878 г. 26-летний Наливкин увольняется со службы «по болезни» в чине штабс-капитана «с мундиром». Тогда же он с семьей селится в урочище Радван (недалеко от г. Намангана) среди кипчаков, а потом приобрел на средства, полученные женой в приданное, небольшой земельный участок в кишлаке Нанай, где проживает несколько лет, изучая язык и быт местного коренного населения. Чуть больше года молодая семья живет в Центральной Фергане, где Наливкин, будучи членом специально созданной комиссии, изучает причины передвижения песков.

После смерти в 1882 г. первого генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана и назначения нового – М.Г. Черняева в Туркестане начинаются перемены и ротация кадров. В 1884 г., спустя 6 лет после своего увольнения, 32-летний Наливкин возвращается на службу в должности младшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области Н.А. Иванове. В это время Наливкин становится известным человеком, в частности, в роли знатока местных языков, нравов и истории. В том же году Наливкина командируют в Ташкент в комиссию «по устройству быта туземцев». Его замечает новый генерал-губернатор Н.О. фон Розенбах. Наливкин читает для высших

чиновников Ташкента несколько лекций о туземцах, а в конце 1884 г. по распоряжению Розенбаха переходит в систему Министерства народного просвещения, где работает на разных должностях вплоть до 1899 г. В. Наливкин ко времени своего назначения инспектором народных училищ Туркестанского края (1889 г.) был широко известен в ученых кругах. В 1880-е гг. начинают выходить в свет многочисленные научные работы Наливкина по истории, этнографии, экономике, языкознанию туземного населения Туркестана. Первые статьи появляются в главной официальной газете края «Туркестанские ведомости»³. В 1884 г. издается написанный совместно с женой «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда»⁴, а четыре года спустя – две большие и самые известные работы «Краткая история Кокандского ханства» и «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы»⁵. В 1889 г. «Краткая история» переиздается на французском языке. Будучи ученым-любителем, Наливкин быстро завоевывает репутацию человека, который обладает уникальными знаниями о Средней Азии. Он переписывается с известными востоковедами, на его книги пишутся рецензии в академических журналах. В 1886 г. «Очерк быта» удостоивается, по ходатайству известного востоковеда Н.И. Веселовского, Большой золотой медали Русского географического общества. В 1880-х гг. публикуется несколько небольших работ Наливкина по археологии края, а в 1888 г. он избирается членом-сотрудником Императорского Русского археологического общества. Неудивительно, что В.

³ «Очерки землевладения в Наманганском уезде», «Вопросы туземного земледелия» (1880), «Топливо в Наманганском уезде» (1880), «Киргизы Наманганского уезда» (1881), «По поводу книги А.Ф. Миддендорфа «Очерки Ферганской долины»» (1883), «Заметки по вопросу о лесном хозяйстве в Фергане» (1883) и др.

⁴ Наливкину, как лучшему знатоку туземных языков, был доверен перевод на «сартовский язык» Положения об управлении Туркестанского края 1886 г., некоторых других официальных документов.

⁵ «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда» (Казань, 1884); «Краткая история Кокандского ханства» (Казань, 1886); «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (Казань, 1886).

Наливкин стал субъектом культурной имперской политики в Туркестанском крае.

В 1889 г. была образована новая должность в ведомстве инспекции народных училищ Туркестанского края – инспектор народных училищ Туркестанского края, который контролировал исламские учебные заведения. Этот пост занял набиравший известность В.П. Наливкин [Абашин, 2005, с.50–51, 73]. К 1889 г. наряду с Н.П. Остроумовым, В.П. Наливкин был одним из выдающихся «экспертов» по исламскому вопросу. Наиболее полную оценку Наливкину дает крупный российский историк С.Н. Абашин: «Наливкин, безусловно, пример того, как ученый-востоковед предоставляет все свои уникальные знания о туземном населении Туркестана в распоряжение имперской власти» [Абашин, 2005, с.72]. В.П. Наливкин был идеальным кандидатом для этой работы и поэтому, скорее всего, выбор администрации пал на него, так как он считался уже «экспертом» по исламу в бюрократических кругах имперской власти. Нужно отметить, что формально ведомство инспекции народных училищ Туркестана подчинялось Министерству народного просвещения Российской империи, а не Военному Министерству, что ограничивало влияние местной администрации на его деятельность.

Нарушение принципов «игнорирования» началось с принятия «Положения» об управлении Туркестанским краем в 1886 г. и перерегистрации *вакуфов* в Туркестанском крае, которое не было доведено до конца [РГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 239, л.12–17]. После проведения частичной регистрации *вакуфов* в Туркестанском крае в 1887 г. [Мухамедов, 2015, с.275] под руководством местной военной администрации, учебное ведомство получило возможность ревизировать *мадраса* Туркестанского края. Таким образом, *мадраса* стали объектом имперского эксперимента, который предусматривал «реформу» и «модернизацию» мусульманской образовательной системы Туркестана.

В ходе своей деятельности В.П. Наливкин изучил *мадраса* Туркестанского края и дал свои «рецепты» для «оздоровления» мусульманских учебных заведений. С.Н. Абашин пишет по этому поводу: «Наливкин занял эту должность и проработал в ней до 1896 г., когда должность 3-го инспектора была упразднена. За это время он самым тщательным образом обследовал все мусульманские высшие школы в Туркестанском крае, описал их и предложил развернутый план реформирования» [Мухамедов, 2015, с.273]. Во многом исследования Наливкина касались *мутаваллиев*, *мударрисов* и учебного процесса в *мадраса*. Нужно учитывать, что у В. Наливкина были намерения улучшить материально-техническую базу *мадраса* и качество преподавания, поэтому его деятельность в этой должности нельзя полностью сводить к защите имперских интересов в сфере ислама. В. Наливкин по-своему понимал *имперскость*, трактуя этот концепт не как доминирование определенной культуры и мировоззрения, а как синтез культур Запада и Востока. Как эксперт и ученый он ясно понимал, что нельзя ликвидировать *мадраса*, но можно улучшить его деятельность во благо и интересах локального ислама. Его проекты носили отчасти реформаторский, отчасти модернистский характер, то есть нельзя сводить его реформаторство к модернизации/модерну. В. Наливкин хотел осовременить *мадраса*, но никак не реформировать его основательно. Проекты Наливкина носили элементы контроля со стороны государства *мадраса* в интересах самого этого учебного заведения. Он только полагал, минимально игнорируя ислам, контролировать *мадраса*, чтобы этот мусульманский институт продолжал развиваться. *Мадраса* становилось частью *прогресса* через улучшение его учебного курса и образовательного процесса. Таким образом, деятельность Наливкина как инспектора мусульманских училищ нужно интерпретировать как действие интеллектуала, который хотел выйти из заколдованного круга, когда игнорировать ислам было больше нельзя, а контролировать грозило опасностью колониальной системе. Все неудачи В. Наливкина связаны с тем, что он хотел

преодолеть и политику игнорирования, и политику контроля ислама и мусульманских институтов Туркестана.

Чтобы понять деятельность Наливкина, я бы хотел поставить несколько вопросов, которые объяснили бы его поведение по проблеме *мадраса*:

1. Игнорировал ли Наливкин политику «игнорирования»?
2. Наливкин стремился контролировать *мадраса*?
3. Наливкин реформатор или модернист мусульманского образования?

Основные понятия, которыми я оперирую в статье – модернность, имперскость, модернизация и реформы помогают лучше понять и проанализировать деятельность В.Наливкина в качестве инспектора народных училищ Туркестанского края. Я считаю, что амбивалентность этих понятий (в особенности понятий имперскость и модернность) даст исследователю инструмент для понимания сложных вопросов имперской политики России в центральноазиатском регионе.

1. Игнорировал ли В. Наливкин политику «игнорирования»?

Проекты В. Наливкина по внесению некоторых «улучшений» в *мадраса* носили вполне имперский характер и, по моему мнению, не противоречили основной идеи «игнорирования» ислама в Туркестане. Я не совсем согласен с мнением С.Н. Абашина, который утверждает, что: «его деятельность (т.е. В.П. Наливкина) в качестве инспектора мусульманских учреждений и русско-туземных школ являлась, вне всякого сомнения, элементом колониальной политики» [Абашин, 2005, с.75]. «Колониальность» В. Наливкина проявлялась в излишнем рвении и усердии «модернизации» местных мусульманских образовательных учреждений, но несомненно, что деятельность В. Наливкина связано с имперским проектом культурной унификации и укреплении позиции империи в периферийных зонах. Скорее всего, Наливкин по-своему понял «игнорирование», сведя его к «улучшению» или подгонке местных мусульманских традиций, в частности, местное образование к общеимперской

системе. Хочу отметить, что свою деятельность Наливкин всегда рассматривал в большей перспективе и понимал всю важность своих проектов «улучшений» *мадраса*, и одним из объяснений его деятельности, я думаю, была изобретённая им «мусульманская модерность». Наливкин по-своему воспринимал имперскую модерность – он понимал, что существует одновременно, но с разным темпоральным измерением, две цивилизации – христианская и мусульманская. Туркестан, включённый в имперскую систему, вошёл в иное темпоральное измерение, при этом он понимал, что местный ислам и его институты продолжают жить в своём темпоральном измерении. Наливкин в ходе своей деятельности обнаружил эту темпоральность, попытался зафиксировать её в понятиях «игнорирования», сохранив «уникальность» исламской темпоральности. Таким образом, он не только изобрёл «мусульманскую модерность», но и признал её жизнеспособность в имперской системе. Интересно, что ни колониальная администрация, ни местная мусульманская элита не признали «открытие» Наливкина – существование мусульманской модерности, которая вполне может служить интересам империи. Военная колониальная элита в открытии Наливкина увидела угрозу государственности и потерю их влияния в Туркестане, так как «игнорирование» легитимировало военное управление Туркестаном, а признание Наливкиным мусульманской модерности означало автономизацию или передачу власти гражданским структурам, которые вели бы политику в интересах не только империи, но и учитывали бы местную специфику. Мусульманская элита Туркестана увидела в «идеях» Наливкина об исламской «модерности» угрозу местной специфике, которая предполагала определённые встречные шаги по отношению к Империи, т.е. она означала активное приобщение (или интеграцию) в имперскую систему. Нужно отметить, что по убеждению самого Наливкина, обнаруженная им «мусульманская модерность» по характеру своему наиболее отвечала интересам Российской империи. Но одновременно в понимании Наливкина

«мусульманская модерность» не была всегда современна, она соответствовала модерну только в период своего расцвета, когда она находилась в составе великих империй прошлого (Арабского халифата, в эпоху Тимура и Тимуридов), и по логике Наливкина Российская империя – та структура, которая даст новый импульс для возрождения мусульманских институтов, в свою очередь Туркестан станет современным. Таким образом, действия и проекты Наливкина имели обратный эффект в практической жизни. Его заслуга состоит в том, что он философски или теоретически обогатил понятие «игнорирование», так как выступал своеобразным критиком игнорирования, а во время своего инспекторства хотя и придерживался идей «игнорирования», но подспудно отрицал его жизнеспособность к вызовам современной жизни. Любая его последующая критика действий колониальных властей в дальнейшем по отношению к исламу имели прямо противоположный характер, т.е. не принимались властями. Конечно, позднее, после 1896 г., Наливкин видоизменил свои взгляды на исламскую модерность и отрёкся от них, так как его план уравнивать две темпоральности не был поддержан ни властями, ни местными духовными элитами. В конечном счёте мусульманская элита и военные колониальные власти объединились против него и сместили не только с должности, но и мусульманский институт – *мадраса* – управлялся по общему положению, т.е. *мадраса* оставались больше в попечении военных властей, а Наливкин постепенно становился «политическим» изгоем, что объясняет дальнейшую трансформацию его мировоззрения.

2. Наливкин стремился контролировать *мадраса*?

Наливкин с самого начала своего инспекторства изучил учебную программу *мадраса* и пытался найти причины, которые мешали ей «нормально» развиваться в рамках исламской культуры. Основная причина плохого материального состояния *мадраса* ему виделась в деятельности *мутаваллиев* (менеджеров/распорядителей вакфа), которые, как ему казалось, были нечисты

на руку. Он предлагал взять под контроль финансовые дела *мадраса* во благо самого *мадраса*. Тем самым он хотел рационализировать хозяйство *мадраса*, средства которого, как предполагал Наливкин, тратятся не по назначению. Также он предлагал улучшить учебный процесс – ввести в систему преподавания некоторые предметы, например, русский язык, для того чтобы будущие религиозные деятели свободно общались с колониальной администрацией. Известно, что поводом для его отставки стал предложенный им 1%-ый налог на доход *мадраса* [РГИА, ф. 733, оп. 203, д. 2916, л. 7 об.–11 об.] в пользу «туземного» образования, который не был поддержан Туркестанским генерал-губернаторством в 1896 г. Инициатива Наливкина по распределению доходов от *вакуфов* и стремление контролировать финансы *мадраса*, как отмечалось в журналах Совета генерал-губернаторства, выходили за рамки его деятельности, так как эта прерогатива касалась уездной администрации, а не учебного ведомства. Интересную версию по этому вопросу дает С.Н. Абашин: «Планы Наливкина по преобразованию мусульманской школы могли выглядеть в свое время весьма консервативными. Тогда еще продолжало господствовать либеральное убеждение, что ислам сам под натиском прогресса постепенно уступит свои позиции. Легализация мусульманских школ и работа с ними с этой точки зрения казались немислимой уступкой архаичным представлениям» [Абашин, 2005, с.76].

Наливкин с целью оптимизации учебного процесса предлагал сократить число *мударрисов* и увеличить им содержание, воспретить совместительства должности *мударриса* с должностью *казия*, волостного управителя и др. По мнению военных властей, все действия Наливкина «сохраняли и усиливали интересы мусульманства» (выделено А.Б.), вмешательство Наливкина в дела *мадраса* трактовалось как «вмешательство училищной инспекции в *вакуфные* и другие дела, не подлежащие её прямому ведению и разрешаемые местной администрацией, само собой оказалось несвоевременным, неуместным и

беспольным» [РГИА, ф. 733, оп. 203, д. 2916, л. 7 об.–11 об.]. Тем самым, проект Наливкина по контролю финансовых дел *мадраса* потерпел фиаско, потому как военные не дали провести ему минимальные реформы в хозяйстве *мадраса*, считая это нарушением принципов «игнорирования» и претензией к власти учебного (гражданского) ведомства, что болезненно воспринимала местная колониальная администрация.

3. Наливкин реформатор или модернист мусульманского образования?

Как отмечалось выше, Наливкина трудно назвать реформатором высшего мусульманского образования и тем более сторонником его модернизации. Как инспектор народных мусульманских училищ он порядочно выполнял своё дело и его служебное рвение отчасти не нравилось ни учебному начальству (в частности В.Наливкин враждовал с Ф. Керенским⁶) [Абашин, 2005, с. 71], ни высшим военным властям, так как он был военным в отставке. В некотором роде всем казалось, что он хочет сделать карьеру в самой благоприятной почве – в исламской политике. Я думаю, что Наливкиным двигали не только карьерный рост, но «реформаторство» ислама, так как вторая половина XIX века была эпохой учёных-экспертов, в рядах которых он хотел оказаться. В то время он был довольно известным учёным-ориенталистом, его деятельность на этом посту, казалось, была хорошей практикой по реформе или модернизации исламских институтов. Наливкин не стремился ликвидировать *мадраса*, скорее всего, он хотел своими *малыми* «реформами» показать учёному миру, что исламские институты под мудрым руководством или под эгидой эксперта могут сделать большой шаг вперёд по пути прогресса. Как видно, ему помешали осуществить

⁶ Причиной конфликта был тот факт, что Ф. Керенский опубликовал под своим именем доклад, который написал Наливкин. – *Керенский Ф.* Наши учебные заведения. Медресе Туркестанского края // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Т. 2. Отд. 4. Об этом конфликте было много разговоров. А.И. Добросмыслов вспоминает, что «атмосфера в то время в учебном ведомстве была ненормальная». – Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент, 1912. С. 237–238.

малые изменения в *мадраса*, тем самым сохранив за ним репутацию эксперта-исламоведа.

Использованная литература:

1. Абашин, С.Н. (2005). В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи? // В сб. Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева. Под ред. Н.Г. Суворовой. - Омск: Изд-во ОмГУ, с. 43–97.

2. Абашин, С.Н. (2001). Империя и местное самоуправление: идеология реформ в русском Туркестане в конце XIX – начале XX вв. // Пространство власти. Исторический опыт России и вызовы современности. М.

3. Зияева, Д.Х. (2010). Ислам в Туркестане: традиции и трансформации в условиях колониализма // ВЕСТНИК КазНПУ им. Абая, серия «Исторические и социально-политические науки», № 3 (26), с. 10–14.

4. Лукашова, Н.М. (1999). В. П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // Вестник Евразии. №1-2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/v-p-nalivkin-eshe-odna-zamechatelnaya-zhizn> (дата обращения: 28.11.2017).

5. Мухамедов, Ш.Б. (2015). Совет Туркестанского генерал-губернатора и определение тактики и стратегии в решении вакуфного вопроса в Туркестане (1887–1917): причины фиаско // МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ. № 6, с. 266–298.

6. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1278. Оп. 1. II созыв Госдумы. Д. 291 (Дело члена Госдумы от г. Ташкента В.П. Наливкина. 1907 г.).

7. РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 203. Д. 2916 (Отчёт о состоянии туземных учебных заведений Туркестанского края за 1895 г.).

8. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 239 (Записки В.В. Бауэра и Д.Д. Бессонова по земельно-податному вопросу, о земских сметах, вакуфах. 1908 г.). Л. 12–17.

9. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 244 (Материалы по ревизии вакуфного землевладения в Туркестанском крае: протоколы комиссии сенатора К.А. Несторовского; донесения уездных начальников и др. 1904–1909 гг.).

BETWEEN DISREGARD AND CONTROL OF ISLAM: ACTIVITIES OF V. P. NALIVKIN AS THE 3-RD INSPECTOR OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF TURKESTAN (1889–1896)

Abstract. The article examines the activities and views of V.P. Nalivkin as an inspector of the national schools of the Turkestan Governor-General. The main attention is paid to the problems of “modernity” and “temporality” in the colonial situation. The author believes that V. Nalivkin had his own vision and understanding of “ignoring” Islam, muslim temporality and modernity.

Keywords: disregard, modernity, temporality, Turkestan, coloniality.